

ПОДВИГ ЗАЩИТНИКОВ НЕВСКОЙ ТВЕРДЫНИ В ЛЕТОПИСЬ СЛАВЫ РОССИИ ВПИСАН НАВЕЧНО!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Кадров ПРИБОРОСТРОЕНИЮ

ОРГАН ПАРТКОМА, ПРОФКОМА, МЕСТКОМА, КОМИТЕТА ВЛКСМ И РЕКТОРАТА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ ИНСТИТУТА
ТОЧНОЙ МЕХАНИКИ И ОПТИКИ

№ 4 [1169]

Среда, 1 февраля 1984 г.

Выходит с 1931 года

Цена 2 коп.

900 ДНЕЙ И НОЧЕЙ

ДА, 900 ДНЕЙ И 900 НОЧЕЙ! В блокаде Ленинграда написано много книг, созданы документальные и художественные фильмы, но разве можно передать то, что пришлось пережить жителям нашего великого города.

Вот и я, уже старый человек, хотя прошло сорок лет со дня снятия блокады, не могу без большого волнения и буквально «с комком в горле» смотреть фильмы, читать книги или вспоминать эти героические, полные жизненного оптимизма, но трагические дни.

У каждого, кто пережил блокаду, есть свои личные воспоминания. Дни и факты, которые нельзя забыть. У каждого была своя судьба, но у всех ленинградцев было и общее — борьба за побе-

рнительные сооружения. В августе с нашего предприятия ушел последний девятый эшелон. Мы, сравнительно небольшой коллектив, остались уже в блокадном Ленинграде, продолжая выпускать столь необходимое для фронта оружие.

Помню свое боевое крещение. Было это 8 сентября 1941 года, в день рождения моей матери. Собрались, чтобы отметить эту дату. Случилось так, что именно в этот день начались интенсивные бомбежки города, были разбиты и горели Бадаевские склады.

Мы сидели за скромным праздничным столом, как вдруг раздался сигнал: «Воздушная тревога». Отнеслись к этому спокойно, но через несколько минут нам было уже не до праздника. Тя-

ку участка, разрешили отпустить домой несколько человек, чтобы они могли хоть немного отдохнуть. Ведь большинство были женщины. Особенно самоотверженно работавшей девушке — Наде Редькиной, которой не было и семнадцати лет, я предложил уйти домой в первую очередь. Она отказалась, через полчаса я опять посоветовал ей отдохнуть. Девушка снова категорически отказалась. Через некоторое время началась артиллерийский обстрел. Один из снарядов разорвался на территории завода и осколком раздробил Наде лицо. До сих пор думаю, уйди она домой — этой трагедии не случилось бы.

Сколько прекрасных людей погибло тогда на глазах, и ничем

нам сдаться, и немцы были уверены, что Ленинград будет захвачен блокадой. В «Блокадной книге» А. Адамовича и Д. Гранина упоминается фашистский профессор Цигельмайер, один из ведущих ученых в области литания. Во время войны он давал советы гитлеровскому генеральному штабу, как умерить голодом Ленинград. Фашисты знали, сколько в городе осталось продовольствия, и делали расчеты, в какие сроки все вымрут.

Случилось так, что после войны Цигельмайеру довелось встретиться с нашими специалистами. Он изумился: «Как вы выдержали? Это совершенно невозможно. Я писал справку, что люди на таком пайке не могут

Я выбился из сил. Кругом ни души. Стало ясно, что скорей всего я замерзну. Был прекрасный мартовский вечер. Заходящее солнце багровым цветом освещало Неву и Петропавловскую крепость, мороз был около тридцати градусов. Мне, альпинисту, горнолыжнику, спускавшемуся до войны с гор Кавказа вместе с Ви-

талнем Абакаевым, эта смерть казалась особенно бессмысленной. От полного бессилия выступили слезы.

И мне повезло. Через некоторое время проходившие по льду Невы моряки на руках вынесли меня на набережную, напротив входа в Дом ученых имени Горького. Сейчас, когда мне приходится бывать в Доме ученых, я всегда вспоминаю этот роковой вечер.

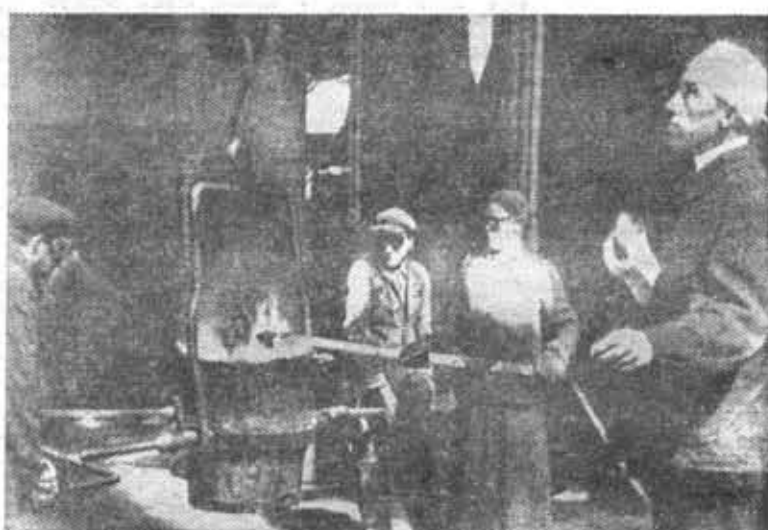
НАСТУПИЛ 1943 ГОД. Прибавили пайки. Народ ожил. Ждали прорыва блокады. И вот наступил незабываемый день — 18 января 1943 года. Прорыв блокады открывал нам надежную дорогу на большую землю. Ох, если гореть чисто по-человечески,

Из фотолетописи блокады.
За Родину, за Ленинград!

Осколком разорвавшегося на Кировском заводе снаряда был ранен мастер литейного цеха Леонид Ефимович Рудин. Его увезли в больницу, но вскоре он снова появился в цехе. Здесь выполнялся срочный фронтальный заказ, и коммунист Рудин вернулся, чтобы руководить плавкой.

В послевоенные годы Л. Е. Рудин работал преподавателем на кафедре материаловедения в нашем институте.

ду, борьба за жизнь. Город жил, город воевал! Город стоял на смерти и выстоял!

Шел 1941 год. Мы, трое спортсменов-горнолыжников, задумали сделать скоростной спуск на лыжах с Эльбруса. Но грозное, зловещее слово «война» перечкнуло все наши мечты и планы.

С первого же дня Великой Отечественной весь народ готов был встать на защиту Родины. Мне не повезло: ни в народное ополчение, ни в истребительный батальон, ни в группу, забрасываемую на самолете в тыл врага, меня не зачислили. Необходимо было работать на заводе, чтобы обеспечить выпуск новой продукции и быстро провести эвакуацию оборудования и людей на восток страны. Работали, не считаясь со временем. Строили обо-

жая фугасная бомба ударила в соседний дом и «вынесла» целый корпус на набережную Невы. Следующие бомбы разорвались на Марсовом поле и где-то дальше. Мы бросились на улицу, чтобы оказать помощь людям, засыпанным обломками разрушенного дома. Увы, почти все, кто в это время находился в квартирах, погибли.

НАСТУПИЛИ ТЯЖЕЛЫЕ дни блокады. Ленинградцы работали, не покладая рук. Даже во время воздушных тревог, когда над голой гудели моторы фашистских самолетов, а с иррыши нашего завода была противовоздушная батарея, люди отказывались спускаться в бомбоубежище. Никто не думал о своей жизни.

Никогда не забуду такой эпизод. Был прекрасный воскресный осенний день. Мне, как начальни-

нельзя было им помочь. А нужен был только хлеб... Это было в самые тяжелые месяцы конца 41-го и первой половины 42-го года.

Я и сам-то еле ходил, но ни на один день не оставлял работу. Когда не было электроэнергии и в цехах завода замирало замерзшее оборудование, мы все равно выполняли необходимые для фронта заказы. Ни голод, ни холод, ни бомбежки и артобстрелы не могли сломить волю защитников Ленинграда!

Самое страшное — это голод. Во всех остальных случаях ты мог рассчитывать, что эта бомба или снаряд не для тебя. Но голод — совсем другое дело. Ты чувствуешь, как в прошлом сильный и здоровый человек медленно и неизбежно угасает. Становится трудно двигаться, работать, думать. Тебе снится ку-

жить, и поэтому, не следует рисковать жизнью немецких солдат. Ленинградцы сами умрут... Я не понимаю, что за чудо у вас там произошло!

Да, по расчетам фашистов, жители нашего города должны, обязаны были умереть, а они, вопреки всему, продолжали жить, они работали, защищали свой город, проводили спортивные соревнования, слушали музыку, смотрели пьесы.

Помню один трагический случай. Возвращаясь по невискому льду с работы, обессиленный, я подошел к спуску, чтобы подняться на набережную Невы, но сделал несколько попыток, понял, что мне этот скользкий подъем не преодолеть. За день, каждый, кто брал воду из проруби, выплеснул на спуск хотя бы несколько капель,

окончательно укрепил нашу уверенность в том, что победим.

Прибавили хлеба. Лучше стали отovarивать карточки. Мы, ленинградцы, старались отдать все свои силы и время для выполнения заказов фронта. Кроме основной работы, у нас были и другие обязанности.

В 1942 году были созданы рабочие батальоны внутренней обороны города. И на ГОМЗе (ныне ЛОМО) был сформирован 22-й рабочий батальон. Я был назначен командиром 1-й роты. После работы проходило военное обучение. На случай штурма Ленинграда нами был подготовлен рубеж обороны в районе Мечниковской больницы. Здесь были созданы укрепления

[Окончание на стр. 2]

[Окончание. Начало на стр. 4] ные точки, а окна зданий превращены в амбразуры.

До, тяжело было время. Помню, смотрю на себя и на бойцов роты, людей истощенных и уже сбросивших, но веры не теряю, твердо знаю, что мы сделаем все, что сможем. Если придется, то все погибнем, но назад не будет сделано ни шага. Как проза была Ольга Берггольц, а ее стихи эхали не только ленинградцы, но и вся страна!

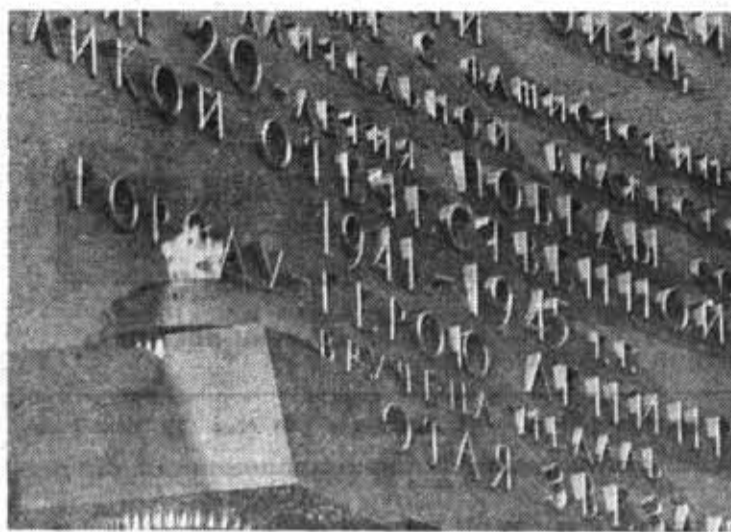
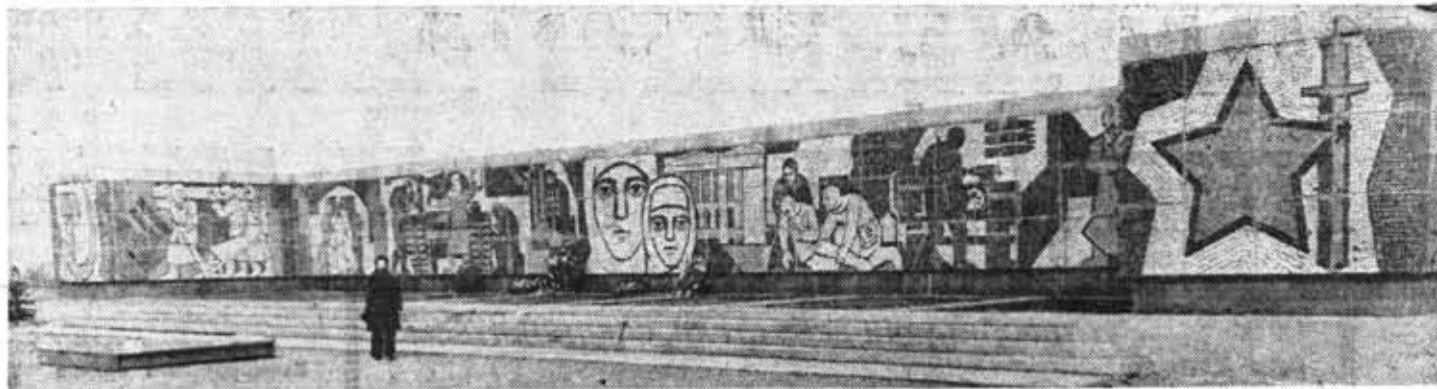
Я говорю, нас, граждан Ленинграда,

Не поколеблет грохот Канонад.
И если завтра будут Баррикады,
Мы не покинем И наших баррикад...

Шло время. Фашистские орды несли поражение за поражением. Ленинградцы, как и все советские люди, ликовали! Приближался 1944 год. В один из январских дней 1944 года меня вызвал к себе парторг ЦК КПСС Петр Трофимович Максимовский и сказал: «Сергея, собирайся на соревнования по лыжам, ты ведь у нас спортсмен-разрядник, не раз отстаивал честь завода на первенствах города». «Какие соревнования? Где?» — удивился я. Он мне ответил, что поучасно приглашенке отправить в город

звать работу. Один из снарядов разорвался совсем близко, полетели стекла. Тут же рухнула часть потолка, и мы увидели, как он прогибается, как лопаются лучинки, державшие штукатурку. Получив в институте артиллерийское образование, я понял, что это снаряд затаенного действия. Значит через несколько секунд он взорвется. Конец... Но взрыва не последовало, оказалось, что не сработал взрыватель. Сегодня этот 306-миллиметровый артиллерийский снаряд находится в Музее истории Ленинграда.

Поезд шел, а мы все говорили. Вспоминали не только тяготы и лишения, но и события культурной жизни, которая в Ленинграде не прерывалась в самое тяжелое время. Как забыть исполнение в

900 ДНЕЙ И НОЧЕЙ

Ижевск на всесоюзные соревнования по лыжам команду в составе трех мужчин и двух девушек. Пусть все знают, что Ленинград живет, борется, трудится и даже участвует в спортивных состязаниях.

«Ехали мы в Ижевск одним из поездов, обеспечивавших регулярное сообщение осажденного города с Большой землей. Свет в нем не зажигали — война еще не окончилась. В соседнем купе с нами ехал начальник подотдела Казанской железной дороги. Он был потрясен всем, что видел и что услышал в Ленинграде. Всю дорогу шли разговоры только о блокаде. Его интересовало все. Тогда я припомнил еще один эпизод.

Это было 14 февраля 1943 года. Начался очередной обстрел завода. Была подана команда спускаться в бомбоубежище. Но в нашем помещении так хорошо топились «буржуйка» и поджаривался блокадный хлеб, что решили остаться на местах и продол-

филармонии 7-й симфонии Д. Д. Шостаковича, работу театров и домов культуры, где шли пьесы «Нашествие», «Гусарская баллада», устраивались концерты К. И. Шульженко. Правда, нередко из-за обстрелов и бомбежек приходилось прерывать выступления.

В ИЖЕВСКЕ, куда съехались команды Москвы, Новосибирска, Горького, Свердловска и других городов, нас встретили востороженно, но подвергли обследованию специально созданной медицинской комиссии. И все-таки допустили: мужчинам — на 10 км, женщинам — на 5 км.

Перед соревнованиями на одной из вечерних тренировок мы пошли по лыжне, чтобы опробовать, какая нужна мазь и хотя бы немного отработать технику бега. Вдруг ужасно захотелось есть. Неподдалеку увидели домик со светящимся окном. Решили свернуть и попытаться купить что-либо съестное. Дверь, когда мы постучали, довольно неприветливо открыл седой дед. Мы обра-

тились со своей просьбой. Он чуть нас не выгнал, но когда моя попутчица сказала, что я из блокадного Ленинграда, старичок буквально преобразился. Сначала он не поверил, что из фронтowego города приехали на соревнования по лыжам. Потом он не знал, куда нас усадить. Принес крынку молока и отварную картошку. Извинялся, что мало хлеба. Предложенные за еду деньги воспринял как оскорбление. По этому факту можно судить, как переживала вся страна за судьбу Ленинграда.

Настал день соревнований. Когда диктор объявил: «На старт выходит команда Ленинграда, масса людей, присутствовавших при этом — и зрителей и участников соревнований, — встретили это сообщение аплодисментами, криками «ура!». Все волновались, пройдем ли мы дистанцию? Все кончилось благополучно: сойти мы не имели проза. В итоге мы заняли седьмое место.

Во время пребывания в Ижевске пришлось много выступать — на заводах, в Доме культуры, по радио. Все хотели услышать о блокаде, о героизме Ленинграда от непосредственных участников этих исторических событий. Здесь мы на личном опыте убедились, что такое сила и сплоченность советского народа!

ТЯЖЕЛО ПОГРУЖАТЬСЯ в воспоминания о прошлом, особенно о трудных блокадных годах. Но они постоянно напоминают о себе. Вот и сейчас, у меня дома, на самом видном месте — сделанный мною в миниатюре мемориал. На черном стекле лужа влой крови и на ней осколок блокадного снаряда и кусочек жмыха. Справа плита с выгравированной золотой надписью

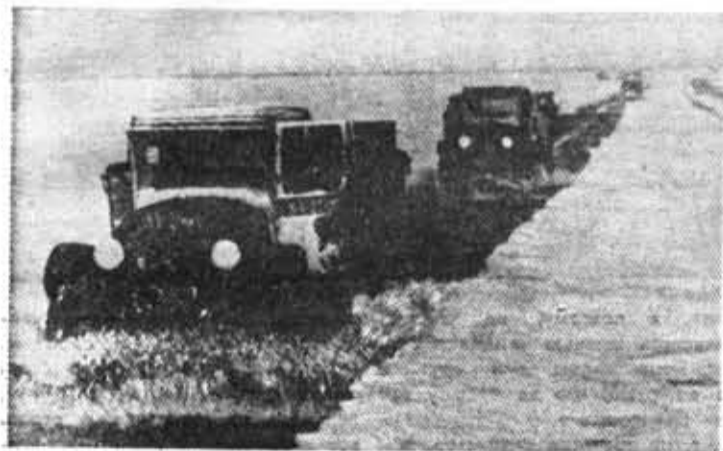
«Никто не забыт, и ничто не забыто». Медаль с изображением Пискаревского кладбища. Из розового мрамора колонна, на ней скульптура «Победа», пообок, как два часовых, крупнокалиберные пулеметные патроны. Рядом — надписью «900 дней блокады Ленинграда» — вышеприведенный отрывок из стихотворения О. Ф. Берггольц. Тут же красный цветок. На стене — брошюра полковника Н. Петрова «Как уничтожать врага, всеразшегося в город», изданная в Ленинграде в 1941 году.

Меня спрашивают: зачем это вам? И я отвечаю: нельзя забыть то героическое время! Его не забудут не только ленинградцы-блокадники, но и все, кто перенес тяготы войны. Наша Родина понесла самые большие материальные и людские потери из всех воюющих стран. Из 20 миллионов советских людей, погибших во второй мировой войне, на долю Ленинграда приходится почти миллион.

Вот почему ленинградцы заявляют решительное «нет!» зловещим замыслом империалистов. Наш народ полон решимости сделать все для того, чтобы отвести угрозу войны, сохранить мир для нынешних и грядущих поколений.

Дорогая молодежь! В дни 40-летия освобождения Ленинграда от вражеской блокады пойдите к памятнику погибших, склоните головы, и почтите минутой молчания память о тех, кто отдал свою жизнь за победу, за ваше счастье. Там лежат настоящие герои!

С. МИТРОФАНОВ,
профессор, доктор технических наук, заведующий кафедрой, лауреат Ленинской премии

Из фотолетописки ленинградской блокады. На Ладжской ледовой дороге в оттепель.

К НАЧАЛУ ВОЙНЫ мне было 26 лет. У нас в семье ушли на фронт и отец, и муж. Осталась я с шестнадцатилетней сестрой и маленьким ребенком. И потому, когда начался голод, нам приходилось особенно тяжело — было невыносимо больно видеть рядом голодных детей.

Мама моя умерла в феврале 42-го года. Вскоре пришла похоронка на отца. Муж и брат тоже погибли. Есть было нечего, все

для нас стало съедобным: и трава, и голуби, и почти исчезнувшие воробьи. Я работала на дому. Вязала маскировочные сетки для танков и зданий. Это давало мне права на получение хлебной карточки. Сестра работала на рытье окопов.

Сын сильно заболел, перестал

говорить и отказывался от еды. Врачи настояли на его эвакуации. Я увезла его по Ладоге в Череповец. В апреле стали давать по 300 граммов хлеба, а у кого семья была побольше, то давали и по 500. Очень тяжело вспоминать об этом. Когда я отвезла сына, то стала дон-дом. Так я стара-

лась помочь бойцам, защищавшим наш город.

И я, и сын остались живы. Сын окончил школу, институт, работает преподавателем в ГПТУ. Я сейчас работаю в ЛИТМО, в бюро пропусков.

З. МЫТНИК,
стрелок охраны

Тяжело вспоминать...

Память

Мне было пять лет.
Это было на даче.
Жара, а мы в ЗИСе летим в Ленинград.
И многие взрослые, вижу я, плачут.
И слышу я: «бомба», «налет», «артснаряд».
Мы много часов в подземельях сидели.
А жизнь шла вперед.
Помню я как сейчас: Мы ели дуранду и хряпу мы ели, Я помню в убежище тихий рассказ.
Потом день весны. Тает снег. Светит солнце. По озеру тихо автобус идет.
По льду. Пользы вижу я слязю оконце.
А сверху бомбят — за налетом налет.
И много смертей.
Грузовик провалился И все моментально исчезло под лед.
А здесь зажигалка, и все задымилось.
И снова тревога: объявлен налет.
Движение по льду ни на миг не стихало.
И жизни дорогой потом нарекли.
Дорогу, что многих в то время спасал.
Мы память о ней через жизнь пронесли.

Метроном

Гулко стучит метроном в вкских
Каждый, кто слышал его, — не забудет
В лютый мороз, на голодных пайках:
Жили, боролись и выжили люди
И через сорок лет слышу его
Только теперь метроном — моя кровь
Мы не забыли ничто, никого
И память сердца сильней всяких слов

Город-подвиг

В небе города сиянье — Отраженный свет огней.
И зимы очарование Как-то зрней и нежней.
Сорок лет на этом небе Нет прожекторов-крестов,
Но зимы без дров и хлеба Не забыл, кто жил, никто.
И величествен, и вечен, Зелен летом, сед зимой,
Рад всегда с друзьями встречаю
Город-подвиг над Невой.
С. ШАРЛАЙ,
доцент кафедры квантовой электроники

ПИСЬМА С ФРОНТА

КОМСОМОЛЬЦЫ института в годы блокады решили вести переписку с какой-либо воинской частью. Октябрьский районкомсомола дал нам адрес: морская пехота, полевая почта 37521. Эта воинская часть сражалась на Ораненбаумском «пятчке». С войсками у нас завязалась большая дружба. Мы рас-

сказывали им о своей жизни и блокадном Ленинграде, о том, как дежурили на крышах во время бомбежек, как ухаживали за ранеными в госпиталях. Бойцы, приезжавшие с фронта, учили наших парней и девчат владеть боевым оружием — на чердаке одного из зданий устроили тир и стреляли из автоматов

и винтовок. По просьбе фронтовиков-ленинградцев наши ребята в различных районах города разыскивали их родных, узнавали, не разбомбили ли их дома.

«Немцы вчера опять обстреляли наше расположение. И черт его знает, или пушки у них автоматические, или же стреляют залпами, да только за короткое время выпустили уйму снарядов, причем одновременно разорвалось по три-шесть штук. А затем поведи огонь наши батареи, после того, как засекли расположение орудий противника. И пошло, и пошло...»

«Пишу Вам, а земля так и дрожит: это наши самолеты бомбят немецкую оборону. Зрелище и величественное, и жуткое. Гул такой, что и вообразить трудно. Не только земля — воздух и тот дрожит. И все это укладывается в полтора-два часа.»

«Как все благоухает! Как прекрасна жизнь! Как прекрасна любовь — не такинжная, опереточная, а настоящая, всепоглощающая, всеобъемлющая, подлинно человеческая!»

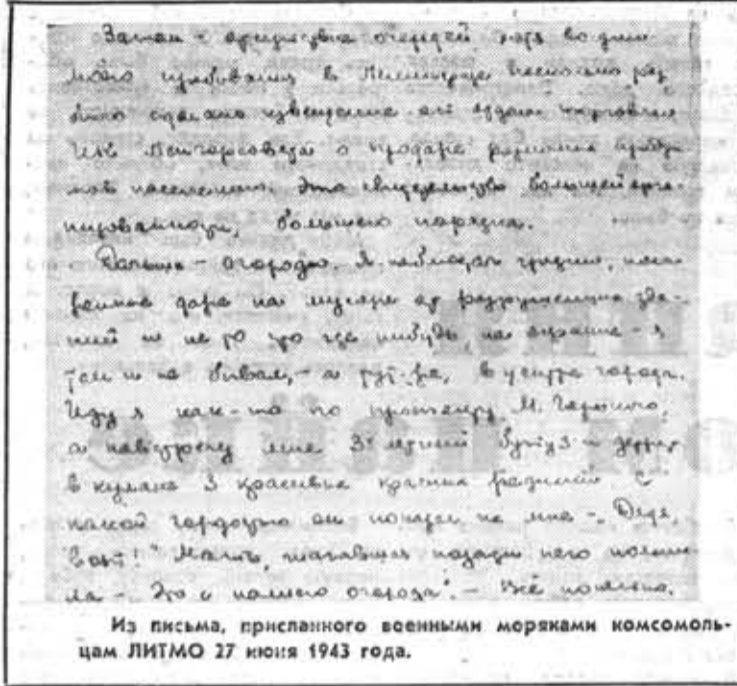
«Я думаю о наших советских детях: о живых, о погибших, о настоящих, о будущих. Для них пренесены жертвы, для них завоевана победа! Как же хочу я видеть наших советских детей в

Группа бойцов воинской части, державшей оборону на Ораненбаумском «пятчке». Снимок был прислан комсомольцам ЛИТМО в 1943 году.

привычной обстановке!» Эти строки, которые писались на передовой, в перерывах между боями, и сегодня так же дороги для нас, ветеранов, как и в те дни, когда мы их читали в осажденном городе.

Л. СМЕРНОВА,
заведующая аспирантурой,
бывший секретарь комсомольской организации ЛИТМО в годы блокады

Из письма, присланного военными моряками комсомольцам ЛИТМО 27 июня 1943 года.

В СУРОВЫЕ ГОДЫ блокады городские партийные, советские, профсоюзные и комсомольские организации изыскивали все пути и средства для сохранения жизни, восстановления здоровья ленинградцев.

Госпитали и больницы были переполнены ранеными войсками и гражданскими защитниками Ленинграда, среди которых от недооказания было особенно много больных тяжелой формой дистрофии. Мне пришлось в это время находиться в больнице имени 20-летия Октября, а затем в институте хирургического туберкулеза.

Особенно тяжелой была первая блокадная зима, когда боль-

могли помогали своим товарищам по несчастью и медицинским работникам. Мне, например, было поручено проведение политических информаций среди больных. Поскольку я был лежачим, меня на высокой каталке везли по палатам нашего этажа. С лета сорок второго года и особенно после прорыва блокады изменились к лучшему и положение, и настроение больных.

В нашей больнице для раненых довольно часто устраивались концерты артистов ленинградских театров. Перед нами, в частности, выступали народная артистка СССР С. П. Преображенская, балерина Малого теат-

хов.

В 1944 году больницу посетила делегация американских врачей, с которыми мы смогли уже говорить по-английски. Они были поражены самим фактом того, что в блокадном Ленинграде среди больных нашлись желающие изучать иностранные языки. Среди нас нашлись также желающие заочно учиться в ленинградских вузах. И такая возможность нам была предоставлена. Ко мне, например, приезжали преподаватели из института имени А. И. Герцена, а позднее из университета. Я сдавал им экзамены по предметам исторического факультета.

Наряду с медиками огромную работу по спасению жизни

селение было мобилизовано на очистку дворов, улиц, площадей. Это позволило предотвратить возникновение эпидемий.

Совместная деятельность государственных, медицинских и общественных организаций способствовала возвращению в строй раненых и больных, укрепляла моральный дух и стойкость героических защитников Ленинграда.

Успешное решение неимоверно сложной и благородной задачи сохранения жизни и здоровья населения огромного города в условиях вражеской блокады стало возможно в обществе, основанном на принципах социалистического гуманизма, благодаря тому, что советские люди были воспитаны в духе самоотверженного патриотизма, взаимного уважения и товарищеской солидарности, благодаря тому, что они непоколебимо верили в свою победу над ненавистным врагом.

Н. КЕТОВ,
ветеран труда

ЗА ЖИЗНЬ И ЗДОРОВЬЕ

ЛЕНИНГРАДЦЕВ

ным выдавались 150 граммов хлеба, когда не хватало медикаментов, когда прекратилось централизованное отопление, замерз водопровод и были длительные перебои с освещением. Наиболее тяжелым было положение лежачих больных, которые не могли двигаться.

В палатах появились железные печки-временки. Но чем их топить? Дров не было. Жгли деревянные щиты, температурные доски, больничные тапочки, старые истории болезней. Нам разрешалось надевать на себя всю свою одежду: белье, рубашки, брюки, пиджаки, даже шапки. На ночь лежачих больных накрывали матрацами.

Вскоре было разрешено разбирать на дрова близлежащие пустые деревянные дома. Сестры и санитарки, сами ослабевшие от голода, пилили, кололи, на себе приносили дрова в больницу, топили печки. И они еще находили силы, чтобы ухаживать за больными, ободрять их добрым и ласковым словом, носить сулицы ведрами воду, греть ее, поддерживать чистоту. В некоторые госпитали и больницы попадали вражеские бомбы и снаряды, вызывавшие ужасные разрушения и жертвы среди больных и медицинского персонала.

Но и больные не ждали безропотно своей смерти. Они чеч

ра Н. Красношеева.

У нас возникла идея создать вокально-инструментальный ансамбль. Лечащий врач, поддерживав нас, получил из Выборгского дома культуры музыкальные инструменты. Ансамбль состоял из семи человек: две мандолины, две гитары, балалайка, баян, на котором играл выздоравливавший офицер из госпиталя, солисткой была медицинская сестра. Мы исполняли русские народные песни и песни Великой Отечественной войны. Эти концерты заметно поднимали дух раненых и больных.

В сорок третьем году, и особенно в сорок четвертом, после полного освобождения города от блокады, мы все больше задумываемся о том, чем будем заниматься после выхода из больницы и даже после войны. Летом сорок третьего в нашу больницу попала бывшая заведующая кафедрой иностранных языков. Она стала проводить с желающими занятия по английскому и французскому языкам, и мы быстро достигли заметных успе-

ленинградцев проводили бойцы противопожарных отрядов, дружинники МПВО, которые во время бомбежек и обстрелов спасали пострадавших, извлекали их из разрушенных зданий.

В самые трудные дни блокады самоотверженную работу вели сандружинницы РОКК, члены санитарно-бытовых комиссий предприятий, бойцы бытовых отрядов при райкомах ВЛКСМ, которые оказывали помощь рабочим предприятий и семьям фронтовиков. Они подбирали упавших, обессиленных людей на улицах города, помогали добраться до дому или отправляли их в больницы и обогревательные пункты. Они обследовали квартиры, выявляли больных, организовывали уход за ними на дому или направляли в стационары, помогали захоронить умерших, устраивали осиротевших ребят в детские учреждения.

После тяжелой первой блокадной зимы огромные усилия были направлены на возобновление работы бань, прачечных, санпропускников, парикмахерских. Не-

Из фотолетописи ленинградской блокады. На углу Лиговского и Разъезжей...

Лепешки из лебеды

КОГДА НАЧАЛАСЬ Великая Отечественная война, мне было тринадцать лет. Впервые о войне я услышала в пионерском лагере. По возвращении домой, Ленинград поразил нас необычным видом — на окнах домов были наклеены бумажные полоски, чтобы хоть частично сохранить стекла при бомбежке.

Детей стали отправлять в эвакуацию, но я не захотела расставаться с родителями. Началась блокада, но в школах продолжались занятия. Однако вскоре из-за голода пришлось бросить учебу.

Мы, школьники, стали работать в садах, сиверах, на спортплощадках — высаживали овощи, пропальцовали их. Приходилось печь лепешки из лебеды и собирать крапиву. А какой вкусной была для нас гороховая каша, которую выдавали буквально по стеловой лонке на день, по карточкам — этого не описать!

Эта каша была для нас куда вкуснее шоколада, который и на ум не шел. Мечтали только о том, чтобы поесть хлеба, которого в самые тяжелые дни выдавали всего 125 граммов.

В первую же блокадную зиму у меня погибли и родители, и все родные. В четырнадцать лет я поступила ученицей на фабрику «Ударники». Сил было мало, особые мучения доставляли голод и цинга. Водопровод замерз, и ходить за водой приходилось на Неву. Пока везешь ведро на саночках, половнику воды расплескаешь. Дом промерз насквозь. Только изредка удавалось вытопить «буржуйку» — маленькую спасавшую нас металлическую печурку. Топили ее книгами и мебелью.

Очень трудное было время! Особенно для нас, детей. Но в победе мы были твердо уверены.

Фабричная комсомольская организация организовала дежурство в госпитале. Мы ухаживали за ранеными фронтовиками. Ходили разбирать на топливо старые деревянные здания в районе Володарского моста. Развозили на саночках дрова ослабевшим людям. Работали на очистке ленинградских улиц в районе Таврической площади, ломали очисти от толстых наслоев льда и снега трамвайные пути, чтобы появилась возможность восстановить движение.

Вот такими были детские годы мои и моих сверстников, которым посчастливилось дожить до снятия блокады и окончанья войны.

А. ПЕТРОВА,
старший инженер

На военно-патриотическом вечере ректор института профессор Г. Н. Дульнев сердечно поздравляет ветерана Великой Отечественной войны и ленинградской блокады доцента кафедры ТМДП Валентину Вячеславовну Иванову. Со студенческой скамьи ушла В. В. Иванова на фронт, участвовала в боях под Пушкином и Красным Бором, была ранена и контужена. Ей, санинструктору 690-го отдельного истребительного противотанкового артиллерийского дивизиона, многие солдаты были обязаны спасением на поле боя.

Воспоминания о блокадном пайке

ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ, родившихся в первой половине нашего века, обычно делится в их памяти на два периода — «до войны» и «после войны». До войны я жил на большой Зелениной улице, дома № 26-5. В квартире нашего шестого этажа прежде жили художники. Окна этих квартир были огромными, пропускавшими много солнца и света. Даже часть крыш была застеклена.

Как и большинство других, наша квартира была коммунальной: в девяти комнатах проживало три десятка жильцов. Несмотря на тесноту, жили мы дружно, помогали друг другу чем могли, поддерживали друг друга материально и воспринимали себя чем-то вроде большой семьи.

Жизнь кипела в квартире круглосуточно: когда одни уже ложились спать, другие только приходили с вечерней смены, а третьи собирались на работу. В кухне без окон в любое время суток горело электричество и постоянно жужжали примусы. Перед праздниками ко всем девяти примусам добавлялись две-три керосинки, и тогда из кухни тянулись особенно ароматные запахи чего-то жареного, тушеного, а то и подгорелого.

На праздники ко всем приходили гости, и из комнат доносились слова модных в то время песен, таких, как «Катюша» и «Три танкиста». Пели и о Стеньке Разине, и о бродяге, бежавшем из Сибири.

Когда гости хотели танцевать, то стучались к нам. У нас имелся редкий еще в ту пору патефон и

много пластинок. Мы заводили патефон, открывали дверь в коридор и по квартире разносились песни Изабеллы Юрьевой, Вадима Козина, Тамары Церетели.

Был я тогда школьником третьего класса. Из попадавшихся на глаза газет знал о начавшейся в Европе второй мировой войне. Что-то тревожное из жизни взрослых передавалось и нам, детям.

22 ИЮНЯ сорок первого года застало меня в пионерлагере в Толмачеве. Уже через день-два на крышах наших летних домиков сделали надписи «киндер», чтобы немецкие летчики знали, что здесь живут дети.

В конце июня мы вернулись в Ленинград. Город авсью готовился к обороне, началась эвакуация. Вскоре родственники-мужчины ушли в армию, а мать направили под Кингисепп на строительство оборонительных сооружений. Я остался один.

Прошло более сорока лет, многое забылось, но не все. При отъезде мать оставила мне всю наличность, но денег хватало лишь на обеды в столовой и отпускаемые по карточкам продукты.

Запомнилась сильнейшая бомбежка, кажется, в ночь на 9 сентября. Все оставшиеся к тому времени жители дома спустились в подвалы, превращенные в бомбоубежища. Туда уже были принесены матрасы, одеяла, некоторые взяли с собой чемоданчики с наиболее ценными вещами. В ту ночь дом сотрясало от разрыва бомб, падавших вблизи. Когда утром мы, мальчишки, выбрались наружу, то увидели, что ряд домов на пересечении Большой Зелениной и Геслеровского был превращен в развалины Горел «Печатный Двор». С крыши нашего дома, пожалуй, целую неделю можно было наблюдать дым в южной части города, где горели Бадаевские склады.

ПРИМЕРНО С АВГУСТА, мы оставшиеся в городе мальчишки, несли дежурство на крыше своего дома. Иногда к нам присоединялись и наиболее смелые девчонки. Обычно с нами дежурил кто-то из взрослых. Хотя дом наш был огромным, на него упало не очень много зажигательных бомб. Но все же две из них во время дежурства мне удалось сбросить щипцами с длинными деревянными ручками вниз на

асфальт. Еще одну мы вдвоем засыпали песком из бочки, укрепленной там же, на крыше.

Дежурить нас никто не заставлял и не обязывал. Но чувство долга, заботы о своем доме подталкивало к этому. С началом недоедания, с наступлением холодов мы все реже ходили на крышу. Наш сарай с дровами, находившийся на заднем дворе, кто-то взломал и топливо растащили. Матери, в ту пору рывшей окопы на Средней Рогатке, приходилось оттуда ежедневно носить на Петроградскую сторону вязанку щепок и палок. За водой мы теперь ходили в подвал соседнего дома. Электричества не было, и вечерами мы зажигали маленькую лампу без стекла, горевшую на каком-то дизельном топливе, так как керосина тоже не было.

хранил надежду, что встречу того мальчишку, — спрашивал о нем оставшихся в живых одноклассников. На ежегодных вечерах, проводимых во Дворце культуры имени Ленсовета секции юных участников обороны Ленинграда, я всматриваюсь в постаревшие лица бывших детей блокады. Но до сих пор не нашел его. Прошло уже сорок два года, а я все еще надеюсь на встречу...

В СЕРЕДИНЕ ЯНВАРЯ сорок второго мы с матерью переехали на Строгановскую набережную к тетке с мужем. У них еще имелись дрова, можно было обогреться у печки и приготовить кипятка. Тяжело вспомнить то время. Ели дуранду, студень из столярного клея, обильно приправленный горчицей. Впрочем, что мы тогда не ели...

Мой дядька был инвалидом гражданской войны, в армию его не взяли. Он умер в марте. А тетку, учитывая, что на фронте находилось двое ее сыновей, удалось устроить в больницу.

Бомбежки нашего района продолжались, но в убежища мы уже перестали ходить... Умирали одноклассники, гибли взрослые. Из родных у меня осталась лишь тетка с мужем.

В начале января произошел случай, который я отчетливо помню до сих пор. Вечером я шел в булочную из угла Пионерской и Корпусной улиц (она сохранилась и по сей день). Было известно, что там иногда дают хлеб на два дня вперед. У булочной мне встретился мальчишка из нашей школы, из параллельного класса. Мы едва знали друг друга, я даже имени его не помню. Однако он узнал меня и подошел, спросил: «Доходишь?» Было такое в ту пору выражение.

По моему виду было ясно, что мне живется несладко. Я кивнул в подтверждение, мол, разве не видишь. Он велел мне подождать, прошел в булочную и через две минуты, выйдя оттуда, протянул мне нашу блокадную пайку: «Ешь-и...» — «А ты?» — я остолбенел. — «Я сыт, ешь!». Больше уговаривать меня не потребовалось. Перед расставанием он дал мне талон на хлеб на один из ближайших дней. Все послевоенные годы я со-

вспоминаю весну сорок второго года: долгожданное тепло, первую зелень, крапиву, лебеду, корни лопуха, из которых жарились лепешки на олифе. Я настолько ослаб, что вставал лишь к столу, когда мать приготовит этих лепешек. Нормы отпуска продуктов увеличивались, но дистрофия продолжала развиваться, я умирал. В июле мать, собрав все силы, взяла меня, больную тетку и, добившись эвакуации, спасла нам жизнь.

Через два года мы вернулись домой, и вскоре в пятнадцать мальчишеских лет пришел в юнгой на флот. День Победы встречал в Кронштадте. Так прошло детство — мое и других мальчишек блокадного Ленинграда — детство, изломанное войной.

Это, извращенное, смешно, но когда мне было уже тридцать, и даже сорок лет, если я встречал на поляне или пустыре мальчишек, голяющих мяч, хотелось забыть про возраст и бегать вместе с ними — в свое время мы не успели это сделать.

В. МОТОВ
заместитель председателя институтского совета ветеранов блокады

Дети осажденного города

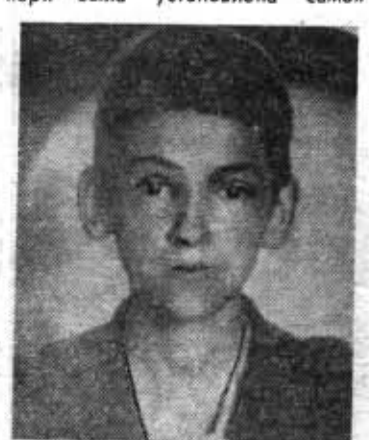
ВСЮ БЛОКАДУ я находилась в Ленинграде, сначала работала воспитателем во втором детском доме Дзержинского района, а затем учителем в том же районе. События того времени живы в памяти и сегодня.

В первые дни войны партийные и советские органы Ленинграда поставили задачу эвакуировать из города детей. С 27 июля их стали вывозить в Ленинградскую, Ярославскую, Кировскую и Свердловскую области.

Эвакуации подлежало и взрослое население. За первые десять дней было вывезено более четверти миллиона человек. Эвакуация населения и промышленных предприятий была в самом разгаре, когда 30 августа фашистские войска заняли Мгу, перерезав последнюю железнодорожную линию, связывавшую Ленинград со страной. Вместе с жителями пригородных районов в блокадном кольце оказалось около 2,9 миллиона человек, из них около 400 тысяч детей.

ЦК партии и Советское правительство принимали все меры для оказания помощи Ленинграду. Продовольствие в город доставлялось по Ладожскому озеру

и транспортными самолетами. Но запасы его быстро убывали. 2 сентября впервые снизили нормы выдачи хлеба. Затем последовало еще четыре снижения. 20 ноября была установлена самая

низкая норма: рабочие получали 250 граммов, служащие, иждивенцы, дети — по 125 граммов. По этим нормам хлеб получали до 25 декабря. Транспорт остановился: не было электричества, горючего. Не работали водопровод, канализация. Распространенными стали заболевания цингой и дистрофией, катастрофически

росла смертность. В этих условиях партийные, советские и комсомольские органы проявили особую заботу о детях, потерявших родителей.

В самых трудных условиях город-фронт не забывал своих детей: к праздникам выдавали добавочно что-либо из продуктов. В связи с XXIV годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции детям было выдано по 200 граммов сметаны и 100 граммов картофельной муки.

По решению городского комитета партии и исполкома Ленсовета были устроены новогодние елки, участники которых получали обед без вырезки талонов из продуктовой карточки и елочные подарки. На новогодней елке побывало 380 тысяч ребят в детских домах, школах.

Ленинградцы, писатель А. А. Фадеев, могут гордиться тем, что сберегли детей. «И самый великий подвиг школьников Ленинграда в том, — говорил писатель, — что они учились». Занятия в младших классах начались в конце октября, а в старших в начале ноября. К занятиям приступило свыше 90 тысяч учащихся.

В декабре 1941 года, когда наш город остался без света, топлива и воды, когда страшный голод изнурял людей, исполком Ленсовета разрешил школам прервать занятия. Однако в 39 школах в течение всего 1941/42 учебного года они продолжались.

С мая 1942 года занятия возобновились. Дети поступали в те классы, в которые они перешли весной 1941 года. За полтора месяца они должны были повторить то, что учили в прошлом году, чтобы осенью начать нормально заниматься. В школах было введено трехразовое питание.

В июне были проведены экзамены в тех классах, которые не прекращали занятия. Из 532 человек, окончивших десятый класс, семьдесят закончили школу только на «отлично».

С первых дней войны школьники с большим энтузиазмом участвовали в организации местной противовоздушной и противохимической обороны. Вместе со взрослыми они дежурили на крышах и чердаках зданий, проявляя подлинный героизм при налетах вражеской авиации: тушили зажигательные бомбы, по-

могали пострадавшим. Участвовали в световой и технической маскировке города, в строительстве оборонительных сооружений. Изготавливали бутылки с зажигательной смесью для борьбы против вражеских танков, работали в госпиталях, в парках и скверах выращивали овощи. За активное участие в обороне города более 15 тысяч юных ленинградцев были награждены медалью «За оборону Ленинграда».

М. БУРМИСТРОВА,
кандидат исторических наук

На снимке: заведующей лабораторией кафедры физики Валентине Сергеевне Седовой было десять лет, когда в марте 1942 году у нее умерла мама и девочку эвакуировали из блокированного города.

Редактор Ю. Л. МИХАЙЛОВ

М-29570 Заказ № 2046

Ордена Трудового
Красного Знамени
гидрография им. Володарского
Ленинград, Ленинград,
Фонтанка, 57,